

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия, архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: ЖИЗНЬ ПРИХОДА

Община

Но вернёмся к богословию. Сказанное коротко выражает всё то, что я хотел сказать. Да, грех несёт разделение, это составляет самую его природу. Он создаёт разделение и противоположение, он разделяет людей и отделяет нас от Бога; он — отрицание и отвержение нашего ближнего, вражда против него. Грех есть также отвержение Бога или вражда против Него. Я ничуть не собираюсь ставить всё это под вопрос, но мне кажется, что есть ещё другой аспект проблемы, более существенный, важный в нашем поиске христианской общины и любых наших усилий её восстановления. А именно, тот факт, что когда член человеческой общины выбыл или был отлучён от неё, община потеряла цельность, ей недостаёт чего-то существенного. Недостаточно сказать: дурной член отрезан, оставшиеся хороши. Недостаточно сказать, развивая образ, данный апостолом Павлом: больной член отсечён, тело больше не страдает от поразившей его болезни... Действительно, тело не страдает от болезни, но оно лишилось этого члена. Есть замечательное место в послании святого Иустина Мученика к одному из его друзей. Тот был отлучён от христианской общины за тяжкое прегрешение и отказывался вернуться к своим братьям, то ли по гордости, то ли страшая принести покаяние. Иустин ему пишет: Неужели ты не сознаёшь, что своим уходом через грех, своим отходом ты нанёс рану телу Христову, и исцелить её можешь только ты сам?.. В самом деле, если Церковь, тело Христово, местопребывание Духа Святого, Духа сыновства и любви, если эта Церковь является, по слову русского богослова XIX ве-

ка, организмом любви, тот факт, что один её больной член был отсечён, не решает никакой проблемы: всё страдание, вся боль тут. Все мы знаем, что случается с семьёй, где один её член отдалился сам или был отвергнут: если семья дружная, любящая, это остаётся неизбывной болью.

Вот первое, что следует помнить: может оказаться необходимым отсечь один член общины, но цель такого действия не в том, чтобы сохранить чистоту общины, которая могла бы быть осквернена; цель, в первую очередь, — уберечь отсечённый член от ещё худшей духовной судьбы. Вспомните апостола Павла, когда он говорит, что предал сатане одного члена коринфской общины ради спасения его души (см. 1 Кор 5:3–5). Отсечение кого-то не может быть актом возмездия, мести, речь не идёт об общности людей, готовой отвергнуть недостойного. Речь идёт о человеческой общине, которая либо неспособна взять на себя восстановление этого члена, и тогда сама подпадёт под осуждение, либо действует так, имея в виду спасение человека...

Мне кажется, мы недостаточно осознаём, что нет ничего индивидуального, такого, что не затрагивало бы всех. Ни внутренне, ни внешне мы не можем отстраниться, стать чуждыми общине, не можем и остаться в ней, нося в себе зло, — в любом случае вся община окажется раненной или отравленной.

Это чрезвычайно важно для нашего видения восстановления человеческой общины или воссоединения отдельного человека с человеческой общиной. Я уже сказал вам, что это непосредственно связано с таинством по-

каiania, которое одновременно действие Божие (потому что один Бог может прощать) и действие церковное (потому что таинство это осуществляется в недрах Церкви). Исповедь, какой мы её знаем, составила и является результатом многих исторических элементов различного происхождения. Первое: Послание Иакова говорит нам, что если кто скорбит, пусть обратится к духоносному человеку, и молитва праведного поможет ему (*ср. Иак 5:13–16*). Здесь не идёт речь об исповеди перед священником, о том, чтобы выбрать священника, пастыря общины, который иерархически, по священнодействию, “технически”, так сказать, наделён властью. Речь идёт о том, чтобы выбрать человека Божия, в ком живёт Дух, одного из тех, к кому можно отнести слова, которыми Писание определяет Иоанна Крестителя: светильник, горящий и светящийся (*Ин. 5:35*). Это действительно исповедь — в том смысле, что это полная открытость, когда всё может и должно быть сказано. А это возможно лишь в той мере, насколько мы знаем, что этот человек, в ком живёт Дух, способен на сверхприродную любовь, на солидарность, на полное сострадание, способен взять на себя наш крест и понести его вплоть до распятия включительно.

Есть ещё исповедь церковная как таковая. Первоначальная Церковь знала только публичную исповедь. Но она требовалась в случае поступков, несовместимых с принадлежностью ко Христу, поступков, составлявших высшую вину перед тайной Церкви, которая есть тайна любви. Три рода поступков подлежали публичной исповеди: апостасия, отречение, отвержение Бога, то есть противоположность любви, которую мы к Нему испытываем; убийство: радикальное отрицание другого человека, радикальная не-любовь; и прелюбодеяние, покушение на любовь, существующую между двумя людьми, убийство таинства любви. Эти три преступления против самой тайны Церкви приводили к тому, что виновных невозможно было больше рассматривать как членов Церкви, они сами отсекали себя от неё, и Церковь только открыто признавала этот факт. Но если почитать документы, нас поражает отношение Церкви. Это отношение можно понять, только если помнить, что в то время членами Церкви были люди, которых преследовали: отцы и матери предавали детей на пытки; дети выдавали родителей; супругов

разделял их выбор за или против Христа, за который они готовы были умереть. Каждый, кто участвовал в молитвенном собрании, кто был членом этой общины, сознавал, что он ближе к незнакомому ему человеку, стоящему рядом, глубоко чуждому ему по естеству, чем к самым как будто близким друзьям или родным. И когда грех отсекал одного из членов общины, этот грех воспринимался не как нарушение церковного правила, а как рана, поразившая церковное тело, подобно тому, как о том писал Феодору святой Иустин Мученик. Так что Церковь — не общество праведников, собравшихся с высоты своей чистоты судить виновного, осудить его или простить, Церковь — глубоко раненое тело, которое хочет восстановить того, кто был ближе, чем самый близкий родственник, был дороже самого дорогого друга, а теперь оказался в сени смертной, под клеймом осуждения. К публичной исповеди готовилась вся община постом и молитвой, и когда исповедь была принесена, она была принята в целях восстановления. Каждый знал, что в ту меру, в какую вся община будет способна проявить любовь, виновный сможет быть восстановлен, и община снова будет целой, будет исцелена её рана, в конечном итоге, рана смертельная.

Когда после эдикта императора Константина в Церковь вошли, вернее сказать, были включены тысячи людей, мужчин и женщин, потому что быть членом Церкви перестало быть опасным или даже предоставляло некоторые преимущества, такого рода исповедь стала невозможной. Представьте себе хотя бы собственный приход — или мой приход, если ваш представляется вам совершенным и не подходящим для такого сравнения. Предположим, кто-то из моих прихожан перед Литургией выйдет вперёд и признается: “Братья мои, я — профессиональный вор!”. Неужели вы думаете, что остальные первым делом раскроют ему свои объятия? Мне скорее представляется, что мужчины немедленно проверят свои карманы — не вытащил ли напоследок этот кающийся грешник их кошелек? а дамы схватятся за сумочки... В современных условиях невозможно предположить такую открытость сердца и объятий. Именно это и случилось в то время. В какой-то момент (трудно сказать, когда именно) вследствие ряда событий таинство восстановления единства стало иным. В результате епископ, председа-

тельствующий в церковном собрании, понял, что его община больше неспособна осуществить это единство, и в качестве представителя общины взял это действие на себя. Был период, когда исповедь совершалась перед епископом не в силу его иерархического положения, а потому что он был живой, действенной, реальной иконой Христа и представителем народа Христова. Позднее по необходимости опытным священникам было доверено представлять епископа. Так появилась исповедь, которая всем нам теперь известна опытно. Мы должны были бы ожидать от неё всего того, чего первохристианин ожидал от публичной исповеди, от встречи с духоносным человеком. Но мы больше не ощущаем, что это событие имеет общинное измерение: из-за того что исповедь приносится перед священником, мы свели её к личному событию: священник, я и Бог, или: Бог и я в присутствии священника. Мы забываем, что в данном случае священник лишь представляет епископа и что епископ в

этом частном случае помимо того, что он представляет Самого Христа, представляет также и totus Christus, то есть Христа и всю Церковь, Господа Иисуса Христа и всех, кто в Нём и с Ним.

Вот, мне кажется, измерение, которое нам надо осознать, если мы хотим размышлять на тему общины. Если в недрах наших общин мы не обретаем эту тайну воссоединения — не индивидуального, но личного, не воссоединения Бога с человеком, а целостности всего тела, что подразумевает полноту Божества и полноту человечества, мы не сумеем ни через Евхаристию, ни через внешние проявления жизни общины обрести вновь общинное измерение Церкви, а общность будет категорией лишь общественной, но не категорией церковной, не категорией Небесного Царствия.

*Митрополит Антоний Сурожский
(окончание, начало – в предыдущем номере);
перевод с французского Е. Майданович*

Соборование: таинство исцеления души и тела

Таинство исцеления души и тела – такими словами можно передать суть таинства, которое известно у нас как Соборование, а в церковных книгах чаще называется Елеосвящением. Название «соборование» произошло от практики совершения этого таинства несколькими священниками – «собором».

Назначение таинства Соборования — всецелое исцеление человека. В молитвах, которые читаются при совершении таинства, неоднократно обращаются к Богу просьбы о прощении грехов страждущего и о его выздоровлении. Само телесное исцеление в молитвах таинства ставится в зависимость от исцеления душевного, для которого необходимо покаяние, то есть прощение грехов, соединенное с твердым обещанием исправить свою жизнь в соответствии с заповедями Божиими.

Для совершения таинства используются елей (растительное масло, по возможности — оливковое). Елей — один из древнейших религиозных символов. С глубокой древности это был не только продукт, употребляемый в пищу, но и лекарственное средство, и вещество для светильников, и косметическое средство. Изобилие елея воспринималось как знак Божия благословения. Елеем натирали тело, помазывали волосы. Елеем помазывали на служение пророков, священников и царей.

Еще святые апостолы помазывали елеем больных, молясь об их исцелении. Об этом пишет ап. Иаков: *«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему»* (Иак 14:15). Из этого текста видно, что уже в апостольское время была практика помазывания больных елеем, но, что важно отметить, исцеляющая сила приписывается не самому елею, а «молитве веры». Следствием этого священнодействия, по словам апостола, является исцеление тела и прощение грехов.

Традиционно совершают это таинство несколько священников, не обязательно семь. Но в исключительных случаях может совершить и один священник.

Прощаются ли при Соборовании грехи?

Несомненно, да, если человек внутренне раскаивается в них, — ведь именно с прось-

бы о прощении грехов начинаются молитвы об исцелении. Но важно помнить, что для покаяния в таких серьезных грехах, которые несовместимы с пребыванием в Церкви (таких как убийство, в т.ч. аборт, блуд и прелюбодеяние, в т.ч. сожительство в т.н. «гражданском браке», без регистрации, и отпадение от веры в разных формах, в т.ч. обращение к иным религиозным практикам, гадалкам, вызывание духов, разные формы магии и оккультизма, и других тяжких грехах по отношению к ближним) — требуется таинство Покаяния, которое для человека, совершившего тяжелые («смертные») грехи, по сути является таинством возвращения, вновь присоединения к Церкви. И совершенно нелепо представление о том, будто бы в Соборовании прощаются исключительно забытые грехи. В молитвах таинства нигде не говорится специально о «забытых» грехах, всегда речь идет о полном прощении и исцелении человека.

Соборование не гарантирует исцеления

Все зависит исключительно от воли Божией, и мы не можем вынудить Его поступить так, как мы считаем нужным. Как пишет прот. Александр Шмеман, вспоминая о том, как во время Своей земной жизни Иисус Христос сначала прощал грехи людям, которым затем даровал исцеление, «подлинное исцеление человека состоит не в восстановлении — на время! — его физического здоровья, а в изменении, поистине преложении его восприятия болезни, страданий и самой смерти... Цель Таинства в изменении самого понимания, самого принятия страданий и болезни, в принятии их как дара страданий Христовых, претворенных Им в победу».

Над кем совершается таинство?

Из апостольского послания видно, что речь идет о таких больных, которые сами не могут прийти в храм. Однако уже с древности (с IV века) известна практика совершения Елеосвящения не в доме у больного, а в храме.

До сих пор среди православных богословов нет однозначного мнения, можно ли совершать Соборование над здоровыми людьми... Однако уже с X века встречаются упоминания о том, что помазание совершалось не только над самым болящим человеком, жизнь которого находилась в серьезной опасности, но и всех находящихся в его доме...

Общее соборование известно и в Греческой Церкви, откуда оно проникло на Русь. В XVII

веке этот чин совершался в Великий Четверг и Великую Субботу... При этом и в Греции, и на Руси при общем Соборовании помазывание совершалось не семикратно, как над больным, а только один раз — в конце чина.

Последнее время распространилась практика частого соборования людей, которые не имеют очевидных заболеваний. Совершается это под тем предлогом, что все мы «больны грехом». Это действительно так, но грешные люди должны прежде всего стремиться к покаянию и исправлению жизни, а не соборованию. Настоятель храма св. мученицы Татьяны при МГУ отец Максим Козлов по поводу этой практики задает справедливые вопросы: «Можно ли этой практике дальше развиваться или нужно положить ей предел? А если так, то каковы границы частотности для человека, не страдающего заболеваниями, для человека, страдающего заболеваниями, для психически больного человека. Или вопрос о соборовании детей. В синодальную эпоху детей до 7 лет не соборовали. На чем это основано? Можем ли мы согласиться с этим ограничением, сформулированным в синодальную эпоху или под ним нет никакого богословского серьезного обоснования, а просто связано с тогдашним строем церковной жизни?»

Эти вопросы еще требуют соборного церковного обсуждения и решения. Пока же практические рекомендации для прихожан могут быть следующими:

Безусловно желательно соборовать людей, страдающих серьезными заболеваниями. Мнение о том, будто бы в течение одного заболевания можно собороваться лишь один раз, не имеет под собой серьезных оснований.

Здоровые люди во время Великого поста могут, но не обязательно, принимать таинство Соборования. При этом собороваться несколько раз в течение года не нужно, если, конечно, человек не подвергнется новому недугу.

Соборовать детей до 7 лет можно, если они больны. Нет необходимости приводить детей на общее Соборование.

Соборование не заменяет собой исповедь и Причастие. Чтобы покаяться в серьезных грехах, надо начать не с Соборования, а с покаяния перед Богом и исповеди священнику.

Протоиерей Андрей Дудченко